

УДК 1+1:316+008

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

О.Ю. Морозова

ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Тверь
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена рассмотрению концепции «экономики знания» в контексте анализа Доклада Юнеско 2005 г. «К обществам знания», обзору особенностей экономики знания, анализу сущности экономики знания, соотношения «экономики знания» с рядом смежных понятий («посткапитализм», «постиндустриальная экономика», «информационная экономика», «инновационная экономика»). Автор также затрагивает дискуссионный вопрос о статусе знания, как фактора производства в экономической теории. Кроме того, изучению подвергнуто влияние экономик знания на другие сферы жизни общества (в частности, на «информационное» право и право интеллектуальной собственности).

***Ключевые слова:** знание, экономика знания, постиндустриальная экономика, «посткапитализм», знание как фактор производства, объекты авторского права, цифровая форма, виртуальная форма.*

Введение

Общепризнанным является факт, что примерно с начала XIX столетия в социальной философии утвердилось представление об определенной степени «социального детерминизма», подразумевающего, что поведение человека в той или иной степени зависит от общественных отношений. Это представление способствовало активному развитию доктрины «экономизма» (или «фаталистического материализма», например, в трудах Роберта Оуэна), когда во главу угла ставились производственные отношения. Апофеозом «экономизма» же стало популярное и до настоящего времени марксистское учение о «базисе» и «надстройке» [12, с. 7].

Альтернативной же формационному подходу стала точка зрения, согласно которой развитие отдельно взятого общества определяется специфическими культурными («духовными») факторами (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, М. Вебер). Крайне интересной была попытка найти корни той или иной экономической модели в исторических (в том числе, религиозных) основаниях, как это делали М. Вебер [6] и В. Зомбарт [8] в начале XX в. Тем примечательнее, что последнего относят к представителям исторической школы в экономике, которая, в свою очередь, является развитием немецкой исторической школы права. Отголосками своеобразного «антиэкономического» бунта первой половины XX в. в различных науках, изучающих общество, является возникновение и активная популяризация нормативизма в праве (Г. Кельзен провозгласил ценность

права «самого по себе»), экзистенциализма в философии и этапа рефлексии в политологии (показательна «спортивная теория возникновения государства», разработанная Х. Ортегой-и-Гассетом [9, с. 157]).

Тем не менее, в настоящий момент представление об экономике как о ведущей сфере жизни общества (как о своеобразном индикаторе социального прогресса) является господствующим. И даже концепция «общества знания», являющаяся предметом анализа в настоящей статье, весьма осторожно подходит к критике «экономизма». Во-первых, это можно проследить в положениях докладов ЮНЕСКО «К обществам знаний» и «Управление культурным разнообразием» (2005 и 2009 гг. соответственно) [17]. Во-вторых, из социально-философского дискурса (термин «общество знания» зачастую отождествляется с «постиндустриальным обществом», «информационным обществом», «посткапитализмом») [3, с. 4].

Наконец, факт того, что информация (знание) стала если не ведущим, то одним из факторов производства (т. е. факт существования «новой» формации, техноуклада) признается в равной степени и ортодоксальными марксистами, и классическими либералами (а равно неолибералами) (см.: [3, с. 4]), и сторонниками смешанной экономики [13]. В связи с чем представляется необходимым проанализировать основные специфические черты «экономики знания», в особенности «человеческий капитал» и информацию как средства производства, а также правовые способы обеспечения эффективного развития экономики знания.

Признаки «экономики знания»

Само понятие «экономика знания» впервые было сформулировано и введено в оборот еще в далеком 1962 г. Ф. Махлупом. Существуют, как минимум, две точки зрения на место «экономики знания» в типологии экономических систем: согласно первой, это самостоятельная система (не имеющая ничего общего с прежними формациями) [4]; согласно же другой точке зрения, «экономика знания» лишь дальнейшее развитие капиталистической (рыночной) либо смешанной экономических систем (тем не менее, обладающая некоторыми характерными чертами).

Возникновение обществ знания связывается с третьей промышленной революцией (впрочем, некоторые исследователи характеризуют наиболее прогрессивные общества как общества, существующие в рамках «шестого технологического уклада» [1]). Так или иначе, но именно распространение машинного труда позволило высвободить рабочую силу и направить «человеческий капитал» на решение более интеллектуальных задач, чем конвейерная сборка и т. п. В нынешней парадигме, как отмечается в Докладе ЮНЕСКО «Хартия о сохранении цифрового наследия» именно владение нематериальными активами («знанием», интеллектуальной собственностью) обуславливает господство над материальной сферой [25]. Кроме того, в этом докладе выделяются ставшие уже привычными черты цифровой (постиндустриальной) экономики: рост

сферы услуг и глобализация (выражающаяся в возникновении прогрессивной сетевой инфраструктуры, развитии горизонтальных связей и усилении разрыва «Север – Юг» или же «Центр – Периферия») [25, с. 47].

Некоторые исследователи характеризуют экономику знаний (а точнее, «экономику, основанную на знаниях») через следующие признаки:

- 1) рост сектора услуг в экономике (до 75%, в частности, в США);
- 2) рост затрат на научные исследования в структуре ВВП (до 5–7% – для сравнения в РФ этот показатель на уровне 4%);
- 3) развитие и глобализация образовательной деятельности (в т. ч. переход на международные образовательные стандарты);
- 4) открытость экономики для межгосударственных связей, активное развитие глобального рынка, создание интеграционных экономических объединений [23].

Сторонники концепции «экономики знаний», как совершенно новой (в том числе и с точки зрения экономической этики) экономической формации, к характерным чертам экономики знаний относят: 1) особые цели (формирование творческой всесторонне развитой личности в противовес традиционной направленности на извлечение прибыли либо рост производства); 2) особое использование факторов производства (гармоничное и эффективное использование ограниченных ресурсов как противоположность капиталистической эксплуатации); 3) особый конечный результат производственного процесса – эволюционное развитие системы «человек – общество – природа» [7].

На наш взгляд, правы те исследователи, которые исходят именно из наличия «родимых пятен» экономики знания в более ранних формациях. С этой точки зрения (независимо от признания знаниевой экономики самостоятельным укладом) знание всегда являлось двигателем прогресса (и в этом смысле фактором производства), объективный процесс превращения знания в нечто большее, нежели эволюционный фактор или иногда продукт экономической деятельности (так, первый закон о защите авторских прав был принят еще в 1793 г.) связывается со второй половиной XX в. И действительно, в настоящий момент знание (информация) стало де-факто определенным независимым (за исключением разве что зависимости от источников энергии) пространством бытия. Более того, человечеством была создана альтернатива реальности (виртуальная реальность) и самому себе (искусственный интеллект). Произошла так называемая «институционализация» информации [27].

В то же время, как справедливо замечают сторонники социалистической экономики, ошибочно воспринимать процесс информатизации как панацею от ранее существовавших экономических проблем (например, уже упомянутое выше противостояние «Север – Юг») [11].

Знание как фактор производства

Так или иначе, но большинство ученых и философов сходятся во мнении, что в настоящее время знание превратилось в товар (и товар

очень дорогой). В частности, знание обеспечивает конкурентные преимущества (знание как фактор производства), знание можно запускать в процесс обмена (интеллектуальная собственность), знание можно «продавать» через образовательные услуги (которые развиваются экстенсивно в силу тезиса о непрерывности образования на протяжении жизни). Отметим, что в условиях, когда знание становится подобно капиталу (станкам) ведущим фактором производства, то автоматически господствующее положение занимает именно производитель средств производства (см.: [26]) (т. е. тот, кто концентрирует «человеческий капитал», способный производить новое знание). В данном случае историческая аналогия образования и станкостроения напрашивается сама собой.

Таким образом, превращение знания (информации) в товар является общепризнанным фактом. Дискуссионным же является тезис о том, что информация становится господствующим фактором производства (подобно тому, как капитал вытеснил с этой позиции землю при переходе от феодализма к капитализму) [2]. Согласно К. Эроу, экономическая ценность информации выражалась в том, что знание снижает неопределенность (т. е. позволяет снизить транзакционные издержки) [2]. При этом очевидно, что различные участники рынка располагают различным доступом к информации и различными способностями (данное фактическое неравенство позволяет вывести категорию «человеческого капитала» – т. е. совокупности навыков индивида, позволяющих извлекать прибыль в условиях информационной экономики).

Также «знание» как экономическая категория характеризуется следующими особыми признаками: 1) качество (полезность в экономической деятельности, соответствие критерию истинности); 2) новизна; 3) редкость (что повышает «цену» знания); 4) конкретность (т. е. применимость для отдельной проблемной ситуации); 5) эффективность (не всякое знание имеет прикладной характер) [22]. Именно в контексте вышеизложенных свойств (особенно касательно «новизны» и «эффективности») «знаниевую» экономику часто называют инновационной (под инновацией понимается внедренное в производственный процесс научное открытие). Иными словами, сторонники утилитаристской концепции «инновационной» экономики исходят из того, что не всякое знание полезно (а полезно лишь то, которое применимо). Более того, некоторые ученые пытаются по-новому оценить экономику знания (не применяя классический показатель ВВП) – через число жителей, приходящихся на один патент (лидером ожидаемо является Япония – 346 жителей на 1 патент) (см.: [14]).

Обратимся теперь к сущностным характеристикам знания (как товара и как фактора производства): 1) количество знания не уменьшается от его потребления людьми (знание – неограниченный ресурс, однако не все способны его потреблять); 2) знание способствует переходу к так называемой «экономике нелимитированных ресурсов» [10, с. 81], когда

человечество способно разумно потреблять, например, энергию, используя наиболее прогрессивные способы ее получения (возобновляемые источники энергии); 3) полезность знания зависит от наличия людей, способных его правильно использовать (рабочая сила, «труд» превращается в «человеческий капитал»).

Таким образом, знание превратилось в товар, что повлекло пере рождение такого фактора производства, как труд, в «человеческий капитал». Вместе с тем, намечаются тенденции (виртуальное пространство, индустрия видеоигр, криптовалюта, инновации как способ конкуренции), когда знание из простого товара превращается в полноценный господствующий фактор производства.

Правовое обеспечение функционирования «экономики знания»

Как уже отмечалось выше, характерными особенностями «экономики знания» (или же цифровой экономики) являются превращение информации в ведущий фактор производства и возникновение «электронной коммерции» (рынка оборота информации).

Наиболее актуальным и болезненным вопросом (если судить хотя бы по частоте упоминания в информационном поле) является вопрос о так называемых «цифровых активах» (в частности – криптовалюта, основанная на технологии блокчейн). Впрочем, нынешний статус урегулирования данной стороны общественных отношений свидетельствует в очередной раз о том, что право является «ретроградным», консервативным институтом по отношению к экономике и вообще к материальной реальности (например: Арбитражный суд города Москвы еще в 2018 г. был вынужден с помощью витиеватой аргументации доказать, почему можно считать криптовалюту объектом гражданских прав. Вместе с тем, законопроект №419059-7 внесен в Государственную Думу РФ вот уже более двух лет назад, но так и не принят. Наконец, даже понятийный аппарат в отношении криптовалюты еще не сформирован [21]).

На наш взгляд, не менее важным вопросом является вопрос оборота цифровых результатов интеллектуальной деятельности (что особенно важно в контексте провозглашения ценности «человеческого капитала»). В настоящее время множество уже ранее созданных произведений переведены в цифровой формат, а новые произведения создаются уже в электронной форме. В этой связи наиболее остро стоит вопрос баланса интересов авторов, правообладателей с одной стороны и потребителей в отношении права на доступ к произведениям образовательного характера (научная литература, фильмы) [19]. А.И. Савельев описал «цифровые произведения» через следующие четыре признака: 1) практически абсолютная независимость произведения от носителя; 2) неразрывная связь контента и копирования (контроль над копированием равнозначен контролем над доступом, т. е. владению); 3) один экземпляр в «облаке» может быть использован неограниченным кругом лиц; 4) простота

изменения (искажения) произведений, возможность возникновения бесконечного числа «версий» произведения [20, с. 232]. В таких условиях процветает электронное «пиратство» как симметричная реакция на жесткие меры по охране авторских прав (например, неоднозначная «Директива ЕС №13»). Достаточно дипломатичную (и прогрессивную, способствующую доступности знания и уважению прав авторов) позицию заняла ЮНЕСКО, издав в 2003 г. «Хартию о сохранении цифрового наследия». Согласно ст. 2 данного документа доступ к цифровому наследию должен носить всеобщий характер, а государствам следует избегать «необоснованных ограничений» [25].

Наконец, последним продуктом «экономики знания» является виртуальная реальность, которую также необходимо объективизировать в праве. Сейчас в электронной коммерции (особенно в индустрии видео игр) не редкость приобретение «игровой» валюты, «лутбоксов» и т. д. за реальные денежные средства игроков. В этой связи полезно обратить внимание на опыт белорусских правотворцев и правоприменителей. В частности, в Республике Беларусь (на основании Декрета Президента РБ «О развитии цифровой экономики» [15]) в суде был разрешен спор о «краже» танка в компьютерной игре [5]. С точки зрения социальной аксиологии права, в данном случае было защищено право собственности на нематериальный («виртуальный» [16]) объект. В свою очередь, уверенность в защищенности обеспечивает нормальное человеческое бытие и способствует позитивной жизнедеятельности (отсюда вытекает тезис о том, что защита господствующей формы собственности является гарантией стабильного развития экономики) (см.: [24]).

Заключение

В статье были рассмотрены сущностные характеристики «экономики знания» (а также соотношения данного понятия со схожими дефинициями – «посткапитализм», «постиндустриальное общество» и др.). По нашему мнению, наиболее близким к термину «экономика знания» является более распространенное понятие «цифровой экономики».

С другой стороны (что подтверждается Докладом ЮНЕСКО 2005 г. «У обществам знаний»), не существует строгого понимания, что представляет собой современная «экономика знания» (является ли она чем-то самостоятельным, доселе неизвестным или же это обычный капитализм с обостренными противоречиями «Север–Юг» и экстраполяцией имущественного неравенства на сферу образования). Однако можно сделать вывод, что все исследователи в той или иной мере сходятся следующих признаках экономики знания: 1) рост сферы услуг (чисто экономический критерий); 2) зарождение «человеческого капитала», снижение ручного труда, оценка работника с точки зрения индивидуальных личностных качеств; 3) рост значения инфраструктуры, «сетевизация» и «цифровизация» общества, глобализация рынка.

Также, все ученые сходятся на той точке зрения, что информация превратилась в дорогой товар, обеспечивающий конкурентные преимущества (как в конкуренции частных субъектов, так и в международных отношениях). В свою очередь, возросшая роль и ценность информации (а также некоторые неизученные последствия «открытия» человечеством виртуальной реальности и создания искусственного интеллекта) подталкивают ученых из других отраслей знания активно развивать концепции «цифровизации» образования, права и т. д. [18] Вместе с тем, вопрос о статусе информации (знания) как фактора производства остается дискуссионным и требует дальнейшего философского и экономического осмысления.

Список литературы

1. Авербух В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. 2010. № 11. С. 160–167.
2. Артамонов А.В. Информация как фактор производства и развития в современной экономике // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: «Гуманитарные науки». 2010. № 4 (84). С. 9–13.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
4. Боровская Н.Е. Эпоха «экономики знаний» // Поиск. 2001. № 26. С. 10.
5. В Беларуси возбуждено уголовное дело за угон виртуального танка URL: <https://habr.com/ru/post/212307/> (дата обращения: 25.11.2019).
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000297/index.shtml> (дата обращения: 25.11.2019).
7. Глюзицкий К.К. Экономика знаний: проблемы, возможности, тенденции развития // Инновационная наука. 2017. № 12. С. 100–103.
8. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем.; изд. подгот. Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. М.: Наука, 1994. 443 с.
9. Зыкова А.Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета: критический очерк. М.: Наука, 1978. 160 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
11. Комолов О.О. Ни блокчейн, ни цифровые технологии не изменят экономику РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2656429.html>. (дата обращения: 25.11.2019).
12. Маркс К. К критике политической экономии // Соч.: в 55 т. / 2-е изд.. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

13. Мейсон П. «Конец капитализма начался». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-end-of-capitalism-begun>. (дата обращения: 25.11.2019).
14. Нечепуренко Ю. Мировые тенденции правовой охраны изобретений // Интеллектуальная собственность в Беларуси. 2008. № 1. С. 29–34.
15. О развитии цифровой экономики: декрет № 8 от 21 декабря 2017 г. // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 25.11.2019).
16. Орлов С.В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016 № 1(11). С. 12–25.
17. Построение обществ знаний URL: <https://ru.unesco.org/themes/postroenie-obshchestv-znaniy> (дата обращения 22.10.2019).
18. Рассадин С.В., Трегубенко Д.Е. Интеллектуалы, знание и университет на пути к обществу знания // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: «Философия». 2012. № 1–2. С. 52–63.
19. Рахматулина Р.Ш. Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. 2019 № 1. С. 35–38.
20. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2014. 544 с. 232 с.
21. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы и технологии: некоторые правовые проблемы выработки понятийного аппарата // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 25–30.
22. Тихомирова Н.В., Мальченко Н.С., Мальченко С.Н., Якимиха А.П. Знания и интеллектуальная собственность в экономике знаний // Открытое образование, 2012. № 1. С. 71–78.
23. Тюкавкич И.Н. Экономика знаний // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2014. № 6 (117). С. 145–150.
24. Умнова-Конюхова И.А. Конституция РФ 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex russica. 2018. № 11. С. 23–39.
25. Хартия о сохранении цифрового наследия: доклад ЮНЕСКО (принята 15 октября 2003 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (дата обращения: 25.11.2019).
26. Царькова С.Б. Значение трудов Маркса в развитии экономической теории и практики // Вестник Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2011. № 22. С. 82–86.
27. Цыренов Д.Д. Институционализация экономики знаний // Baikal Research Journal. 2016. Т. 2, № 2. С. 90–98.

KNOWLEDGE ECONOMY IN THE KNOWLEDGE SOCIETY

O.Yu. Morozova

Research institute of information technologies of Federal penitentiary service, Tver
Tver State Technical University, Tver

The article deals with the concept of «knowledge economy» in the context of the analysis of the 2005 UNESCO Report «To knowledge societies». It reviews the features of the knowledge economy, analyzing the essence of the knowledge economy, the relationship of the «knowledge economy» with a number of related concepts («post-capitalism», «post-industrial economy», «information economy», «innovation economy»). The author also examines the controversial issue of the status of knowledge as a factor of production in economic theory. In addition, the impact of knowledge economies on other spheres of society (in particular, on «information» law and intellectual property law) has been studied.

Keywords: *knowledge, knowledge economy, post-industrial economy, Post-Capitalism, knowledge as a factor of production, copyright items, digital form, virtual form.*

Об авторе:

МОРОЗОВА Ольга Юрьевна – главный специалист отдела внедрения ЦРИТ ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: moroz-75@mail.ru.

Author information:

MOROZOVA Olga Yuryevna – chief specialist of the Department of implementation of Research institute of information technologies of Federal penitentiary service, Ph.D. student of Tver State Technical University, Tver. E-mail: moroz-75@mail.ru